

МАТЕРИАЛЫ О ГИБЕЛИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ НА УРАЛЕ: ИЗ АРХИВА ГУВЕРОВСКОГО ИНСТИТУТА ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И МИРА (США)

Гибель царской семьи Романовых в Екатеринбурге летом 1918 г не перестает занимать умы не только историков, но и широкой общественности. В последнее время на эту тему появилось немало специальных исследований, еще больше журналистских сенсаций как в России, так и за рубежом. Однако многие принципиальные проблемы этой истории не решены до сих пор. Вопрос в значительной степени упирается в недостаток документальных материалов. Одни погибли в огне гражданской войны, другие были тщательно упрятаны в спецхраны, третьи исчезли во время работы специальных комиссий по «изучению» обстоятельств Екатеринбургского расстрела. Поэтому важно появление каждого нового документа, проливающего свет на те далекие и загадочные события.

В данной связи интерес представляет досье Никандра Миролюбова, хранящееся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира. В 1936 г в этот институт обратился неизвестный, который держал в руках сумку из черной мешковины. Он предложил подарить ее содержимое институту при условии, что оно останется опечатанным до 1 января 1950 г. Получив такую гарантию, незнакомец сдал сумку, а сам ушел и больше не появлялся. Когда по истечении указанного срока сумку открыли, то в ней оказались бумаги профессора криминалистики Миролюбова.

Никандр Иванович Миролюбов в начале 1917 был назначен прокурором Казанской судебной палаты. После взятия Казани большевиками он переезжает со своими сотрудниками в Сибирь, оставаясь в прежней должности. Здесь он держал под наблюдением следствие Николая Соколова, который расследовал обстоятельства гибели царской семьи Романовых. С падением Омска Миролюбов эвакуировался в Харбин, где возглавил ряд белоэмигрантских организаций, активно боровшихся против советской власти.

Теперь трудно установить, каким путем документы Миролюбова попали в Стенфорд и почему их содержание так долго оставалось в тайне. Впервые они были частично использованы английскими журналистами А.Саммерсом и Т.Менгольдом в книге «Досье Романовых», вышедшей в начале 80-х гг в Лондоне и Париже¹. Для российских исследователей эти материалы оставались недоступными. Между тем они имеют принципиальное значение для понимания тех сторон следствия по царскому делу, которые обошел Соколов в своей книге. Более того, они проливают свет на события, которые предшествовали его следственным действиям, позволяют по-новому посмотреть на них и высветить некоторые темные страницы Романовской трагедии, а самое главное – нащупать перспективные пути исследования, поскольку выводят на неизвестные ранее линии развития событий, в частности, действия военной разведки Колчака по выявлению сведений о расстреле царской семьи.

Публикуемые документы любезно предоставлены архивом Гуверовского института и составляют только ту часть досье, которая непосредственно касается расстрела в Екатеринбурге. Оно состоит из двух папок. В одной находятся заметки Соколова и несколько его писем, в другой – переписка между Миролюбовым и его представителем в Екатеринбурге, прокурором Екатеринбургского окружного суда В.Иорданским. Далеко не со всеми суждениями авторов документов можно согласиться, но мы не вступаем с ними в полемику, поскольку она возможна только в

контексте конкретных событий и в соотношении с другими материалами как отечественного, так и зарубежного происхождения. Предлагаемые документы публикуются впервые²

Археографическая обработка источников осуществлена на основе общепринятых правил. Документы публикуются полностью и в извлечениях. Передача текста с извлечениями обозначена отточиями. Неисправности текста, не имеющего смыслового значения (орфографические ошибки, описки, пропуски букв и т.п.) исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные из-за повреждения текста или его неразборчивости и восстановленные слова или их части взяты в квадратные скобки. Случай невозможности восстановить пропуск в тексте отмечены отточием в квадратных скобках. Каждый документ имеет редакционный заголовок. Все материалы снабжены датами и местом подготовки. Легенда каждого документа исходит из его принадлежности к коллекции из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США). Все документы подлинные, тексты рукописные на обычных листах бумаги, трудночитаемые.

ПРИМЕЧАНИЯ

Summers A. Mangold T. Le dossier Romanov. Paris. 1980. p. 52-59.

Выражаем благодарность доктору технических наук С.А.Тимашеву за помощь в получении этих документов.

№ 1

В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург, 19 февраля 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

Вчера г.Екатеринбург проводил Верховного Правителя, который направлялся в Пермь, оттуда на короткое время опять остановится у нас, а затем к Вам. Встреча была оказана подобающая Верховному Правителю. Я лично видел его на вокзале во время встречи, в соборе во время короткого молебна и на торжественном обеде, устроенного городом и, надо сказать, очень пышно. Обед, как водится в таких исключительных случаях был «строгий», с выдержанными речами, причем в заключение и Верховный Правитель произнес обширную, программную речь. На всех, кажется, кто его видел, он произвел очень хорошее впечатление.

Сию минуту послал Вам телеграмму о том, что убийца по царскому делу Медведев еще в дороге. Его везет под строжайшим конвоем специально занятый этим делом агент угол[овного] розыска, который телеграфировал, что везет с собою очень серьезный материал по делу. Сущность последнего я не знаю, но прибывший третьего дня из Перми один полковник передавал мне следующее. Он лично видел в Перми врача, который за несколько времени до взятия ее Сибир[ской] армией был приглашен комиссарами для подачи помощи лежавшей в постели больной. Последняя оказалась молодой девушкой. Около нее вертелись какие-то типы, из коих некоторые – евреи. Врачу было предложено осмотреть у больной только голову и верхнюю часть груди, никакого другого осмотра делать было не разрешено. Он понял, что она была насиллована. Лицо ее было все в синяках. Осмотр происходил в присутствии комиссаров, но когда на короткое время врач остался наедине и спросил больную кто она, – последовал ответ: «Я дочь государя Анастасия». По словам врача она впоследствии была расстреляна. Сведения эти пока частного характера. Сведения эти немедленно по получении представляю; вообще буду осведомлять Вас немедленно обо всем, что будет добыто по этим делам. По тому плану розыска по царским делам, о котором пишете Вы, прибавить, пожалуй, нечего. Я намерен лишь на обратном пути через Екатеринбург [Верховного]

Правит[еля] обратиться к дежурному при нем генералу, чтобы по приказанию Верх[овного] Правит[еля] последовало распоряжение всем военным властям оказывать полное содействие в раскрытии дела. Между тем, в настоящее время сведения, которые получают военными, они передают не следственной власти, а своему начальству и т. п., что идет к явному вреду для дела

Так, в настоящее время имеется агент Алексеев, тот самый, который перехватив письмо убийцы – Медведева, теперь везет его арестованным. Это человек пожилой, очень вдумчивый, идущий к цели до конца, охватывающий широким масштабом и при этом, по отзывам всех судейских, – исключительно честных правил. При таких условиях я представил ему право подобрать людей в тех пунктах, где требуется постоянное наблюдение. Такими являются зав.[оды] Вер[х]-Исетский и Сысертский, откуда поставлялась охрана в дом Ипатьева. Теперь здесь и находятся особые агенты. По приезде Алексеева подниму вопрос о необходимости установления агента в Перми. Вместе с тем возникает мысль написать о том официально управ[ляющему] Пермской губ.[ернии], с которым я лично знаком, о том чтобы на одного из пермских агентов розыска возложить обязанности собрания сведений по царскому делу. Вопрос этот я разрешу по приезде на сих днях агента Алексеева..

Шлю Вам, уважаемый Никандр Иванович, свой искренний сердечный привет
Преданный Вам В.Иорданский.

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира.
Подлинник.

№ 2

В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург, 23 февраля 1919 г

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

С С.И.Бердниковым послал Вам донесение по царскому делу. Между прочим в нем Вы найдете описание версии об убийстве Вел. Кн. Анастасии Николаевны, о чем я писал Вам в последнем письме. Официальная версия эта не проверена, а лишь проверяется, причем по моей просьбе вчера была послана уполном. Командующ.[ему] армией шифрован.[ная] телеграмма о необходимости предъявить этому врачу фотографии Анастасии Николаевны, так как мало вероятно, что это была последняя. Это совершенно неправдоподобно, если иметь в виду категоричное утверждение обвиняемого Медведева, хорошо знавшего всех дочерей государя, что все они убиты и на его глазах мертвыми сложены в грузовик. Вот почему в официальной бумаге я не упомянул об этой версии. Как только это будет проверено – представлю.

Нелегко вести наблюдение по этому делу при отсутствии должного содействия со стороны военных властей, которые сейчас играют громадную роль. Зло заключается в том, что, если они получают какие-либо сведения, то держат это в секрете от следственных властей из желания отличиться, и во вред, конечно, делу. Этого бы не было, если бы как настанвал ген.[ерал] Дитерикс, во главе дела встало бы лицо с особыми полномочиями..

Искренне уважающий и преданный Вам В.Иорданский
23.ІІ–19 г

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира.
Подлинник.

№ 3

В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург, 12 марта 1919 г

Пользуюсь случаем, глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович, чтобы поскорее довести до Вашего сведения о своих предположениях как по вопросам деловым, так и частным

Необходимо пользоваться этим временем, приняв меры к выяснению задачи – нахождения места сокрытия трупов. В случае успеха можно рассчитывать, что до наступления тепла трупы окажутся в сравнительно сохранившемся виде. Не откажите, пожалуйста, уведомить меня или Вл [адимира] Ник[олаевича] Казембека, какие распоряжения последуют от Вас с теми деньгами – 15000 руб., которые Вам переданы

От Шамарина по царскому делу я не получил никаких сведений. Одновременно с ним посылаю Вам список лиц об арестовании коих мною сделано распоряжение военным властям. Полагаю, что таким распоряжением я не допускаю превышения власти, ибо, с одной стороны, они все причастны к делу (хотя еще и не привлечены), с другой – все они большевики и красноармейцы.

Осмотр будет касаться только корреспонденции лиц, знающих места сокрытия тел, а именно Ермакова, Леватных, Партина, Костоусова, Малышкина.

Искренне Вас уважающий и преданный В.Иорданский.

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гугеровского института войны, революции и мира. Подлинник.

№ 4

В.Иорданский – Н.Миролюбову

Екатеринбург Не ранее 29 марта 1919 г

Глубокоуважаемый и дорогой Никандр Иванович!

Перед самым почти отъездом А.М.Гаврилова спешу поделиться с Вами весьма прискорбным сообщением.

Несколько времени (дней) тому назад заболел сыпным тифом заключенный в тюрьму по царскому делу Медведев и 25 марта, находясь уже в тифозном бараке, умер. Перед тем, как поместить его в тюрьму, камера была приготовлена по особым распоряжениям моим, несмотря на то, что заболеваний в ней не было, была произведена особая обработка, т.к. в самой тюрьме по другим камерам было много заболеваний.

Кроме Медведева, в этой же тюрьме, в камере обособленной находятся арестован [ные] по княжескому делу Старцев и Соловьев. Оба они сидят в кандалах. Из опасения, чтобы они не заболели, я по соглашению со след [ователем] Соколовым немедленно перевел их в Верх-Исетский (прилегающий к городу) арестантский дом, где заболеваний почти нет. Предварительно осмотру камеры и приму особые меры в предупреждении побега, так как охрана арест [анского] дома гораздо слабее тюремной.

Как я сообщил, Медведев умер 25 марта, между тем о смерти его было сообщено Н[ачальником] тюрьмы лишь 29 марта за № 10, о болезни же его я не был осведомлен

Поэтому невольно возникает мысль, не было ли в данном случае какое-либо злоупотребление, и не скрылся ли он при содействии кого-либо. Но это лишь голое предположение. С этой целью я дал официальное поручение Н[ачальнику] { }* произвести подробное дознание, дав ему по этому поводу личные указания и

затребовав метрическую запись о смерти его. Вместе с тем, усматривая неправоильность действий со стороны Н[ачальни]ка тюрьмы, через тюремного инспектора я потребовал от него объяснений о причине несообщения мне или судебному следоват.[елю] Соколову о положении Медведева и о замедленности донесения о смерти его.

Неприятно еще то, что, хотя он и был допрошен обстоятельно по тем данным, которые имелись в деле, но его нужно было допросить вторично уже по тем материалам (протоколам, осмотрам вещест.[венных] доказат.[ельств], которые были введены в дело след.[ователем] Соколовым). Осмотры же вещ.[ественных] доказат.[ельств] он только вчера закончил.

Шлю Вам искренний привет. Уважающий и преданный В Иорданский

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира
Подлинник.

В документе неразборчиво.

№ 5

Свидетельские показания Александры Кривошековой по делу об убийстве бывшего царя Николая II и членов его семьи

Чита, 29 февраля 1920 г

29 февр 1920 г. Я, прокурор Казанской судебной палаты Н.Миролюбов в порядке дознания, допрашивал в г.Чите, в гостинице «Даурия» (№ 22), гражданку Александру Кривошекову, временно живущую в Чите, по делу об убийстве б. царя Николая и чл. семьи – в качестве свидетельницы, которая показала и собственноручно записала следующее:

1919 г в начале января я познакомилась в Екатеринбурге с полковником Никифоровым, который был назначен в Пермь начальником военного контроля. Он предложил мне поехать с ним в Пермь. В дороге много было разговоров об убийстве царя и царской семьи. Я спросила о в.к. Михаиле Александровиче – жив ли он? Никифоров сказал, что жив и здоров. Между прочим сказал, что не даром ему пришлось бежать из Перми пешком, где он был народным судьей. В конце всех разговоров Никифоров предложил мне, не желаю ли я служить у него именно по царскому делу. Я согласилась насколько хватит моих сил. По приезде в Пермь принялась за это дело. В половине января была в з.[аводе] Мотовилиха в одном доме, услышала разговор про белье с короной и метками Николая А[лександрови]ча. А спросила, где же такое белье? Они мне говорят, разве вы не знаете, что царская семья была в Перми и жила в доме акцизного управления Жиды, наверное, убили и поделили все, и все таки кто же видел белье? Они мне указали прачку, которая стирала это белье одному доктору жиду. Нашла прачку, которая подтвердила, что действительно стирала белье одному доктору-еврею, белье с короной и метками рубашки и кальсоны. Фамилию доктора не знает, но дом, где он жил, по Монастырской улице, дом Кусакина. Я передала Никифорову лично, как было условлено с ним, что касается царской семьи должна была говорить только с ним. В конце января прихожу к Никифорову в назначенный час, он мне говорит, пройдемте в кабинет, взял сверток, в кабинете замкнул дверь на ключ и тогда развернул сверток, а в нем вещи. Но меня особенно заинтересовали серьги дамские овальной формы в середине сапфир крупный, а кругом бриллианты. Я долго смотрела и говорю «Эти серьги царницы?» Он сказал «Да.» На остальные вещи я только взглянула и перечислить их не могу. Никифоров говорит, что тут вещей миллиона на два, а то и больше. Спрашиваю, где он их достал. Никифоров говорит, что пока не скажет. А меня просил, чтобы я не оставляла этого дела и больше работала, что нам заплатят хорошо, сумма отпущена крупная.

У меня в квартире была конспиративная квартира. Собирались офицеры сотруddики военного контроля. Были заведующий и помощник. Помощник прапорщик Дягилев Эраст Алексеевич, в разговоре рассказал, что недавно нашли у одного еврея золотые и бриллиантовые вещи, фамилия их Кобчик. Я спросила, где же теперь Кобчик? Дягилев сказал, что уже отправлен, откуда возврата нет. Прошло несколько времени, встретила Никифорова, спрашивает как дела? Плохо, прихожу в отчаяние, слышу в публике много разговоров, а определенных и положительных нет, и дело не идет вперед. Он сказал: «Лучше бы вы занялись другим делом, гораздо выгоднее». Спрашиваю: «Каким?» Он: «Вы местная жительница и знаете, где и у кого произвести реквизицию», — на этом разговор кончился. Мой брат скрывался от большевиков, жил в Перми в доме Пантелеевых, приходит ко мне и рассказывает, что жена Пантелеева говорила: «Есть у нее двоюродный брат в Екатеринбургe, служит машинистом в пассажирском поезде, фамилия его Логинов. Приезжал в Пермь и был у них и говорил, что царя убили и увезли комиссары на станцию Богданович. Пантелеева спрашивает его: «Как он знает?» Логинов говорит, что он то и увозил тело, а обратно, — когда возвращались, пьянствовали. Пантелеева возмущена сказанным. После ухода тайного гостя Пантелеева рассказала моему брату, а он мне. Да, она передавая разговор, сказала, что донесла бы кому следует или бы вызвали ее в свидетельницы, она с удовольствием все бы рассказала. Я сообщила Никифорову, что было сделано по этому делу, мне неизвестно. Весной Логинов опять приехал в Пермь, был у Пантелеевой, опять говорил про то же. Она очень возмущалась. Мой брат ей говорил, что весь разговор, который был передан куда следует, а ее не допрашивали. А Логинов служил все время, ездил машинистом от Екатеринбургa до Омска.

В начале марта узнаю про одну сестру милосердия Мутных, которая говорила своим при сослуживцах, что она знает и много раз бывала в доме, где находилась царская семья, читала дневники наследника Алексея Николаевича, удивлялась их терпению и выдержке, особенно отзывалась о Анастасии Николаевне. Я передала Никифорову не лично, а написала записку, когда пришла к нему, его не застала дома. В тот же день приехал ко мне господин, отрекомендовавшийся Кирста Александр Федорович. Показывает записку мою и спрашивает: «Я ли писала?» «Да, я.» Он говорит, что царское дело передано ему. Полковник Никифоров и прислал, а что он говорит правду, представил мне доказательства. Я рассказала ему, что знала. Он говорит, что надо познакомиться с ней, и вы это сделаете. Я сказала, что сегодня же пойду туда. Повидавши ее должна сообщить все сказанное. Часов в пять пошла к Мутных в лазарет. Она меня приняла у себя в дежурной комнате. Там никого не было. Я ей назвала вымышленную фамилию и говорю, что пробралась от красных и пробираюсь в Екатеринбург к дочери. Назвала фамилии некоторых комиссаров пермских, которых я знала и указала одного, который мне советовал в случае чего обратиться именно к ней. Объяснила, что мне, пробираясь через фронт белых, пришлось изорвать свой паспорт, а дальше ехать без документов опасно. Она поверила и говорит, что достанет мне таковой. Есть у нее знакомый в военном контроле человек, который даст, и называет фамилию Кирста А.Ф. Он уже дал ее гражданскому мужу таковой, и деньги сто пятьдесят тысяч разрешил провести в Сибирь для пропаганды. Спрашивает, где я остановилась? Я сказала, что только сегодня приехала, и квартиры нет и не знаю у кого могу ночевать. Она ответила, что с удовольствием бы предложила у себя ночлег, но не может, потому что у нее есть тоже приезжий, который ночует у ней, и дала адрес Малковых по 2-ой Загородней улице. Дальше шел разговор о царской семье. Когда она бывала у них, удивлялась, что они слишком горды и завидовала их стойкости. Я говорю: «А Вы не боятесь, может быть что-нибудь иметь у себя, за что Вас могут арестовать?» Нет, все спрятано, что было в надежных руках, да вам вот расскажут Малковы. Вдруг спрашивает меня, знаю ли я Ираиду? Я сказала, что совершенно не знаю таковой.

Она вздохнула и говорит: «Вы не провокатор?» «Почему?» – спросила ее. Да тут приходили таковые и спрашивали. Правда, когда Кирста давал мне совет, что я должна была говорить то, просил спросить про Ираиду, а кто она я не знаю, но я не спрашивала, разговаривать больше не пришлось, ей нужно было идти в палаты к больным солдатам. При прощании с ней просила зайти к ней за паспортом.

Вечером Кирста вызывает к телефону и спрашивает была ли я или нет, отвечаю, что была. Наверное провал? Не знаю, что вы называете провал. Я нахожу, что по телефону говорить неудобно. Он отвечает, что придет. Приехал, рассказываю ему весь разговор, умолчала, что он дал паспорт ее мужу, сказала, что пойду по данному адресу завтра. Утром узнаю, что был обыск у Мутных и арестованы были Березина и Мутных. Утром пошла к Малковым, но дома их не было. Они оба служат в Земледелии государственных имуществ. Прихожу туда. Там еще никого не было. Поздоровалась и передала ей поклон от ее сына Рафаила. Она очень обрадовалась и спрашивает, где он. Я назвала место, где видела его. А разве Рафаил не уехал с царской семьей? Он все время около них. Да, кажется, собирались уехать скоро. Говорю ей, что Рафаил просил спрятать царские вещи подальше, чтобы их не нашли. Малкова говорит, что салфетки с метками и короной у ее снохи старшего сына – Николая. Советовала ей спрятать. Она спрятала их, а стаканы у ней спрятала. Был обыск, ничего не нашли. Малков сам занимал место при управлении сторожа. Вещи им удобно были спрятаны на вышке здания, а обыск был в их личной квартире.

Я не говорила, что была у Мутных, и передала тоже, что не имею паспорта. Малкова сказала: «Это пустяки – достанем, есть человек хороший в контроле, который даст.» Кто же этот человек? «Кирста А.Ф. приходит сегодня в пять часов вечера, муж отведет вас на квартиру, где вы познакомитесь с Матросом у которого есть вещи царские. С ним поговорите, что заказывал Рафаил.» Я обещала быть непременно, спросила меня когда уезжаю? Как достану паспорт и поеду в Екатеринбург, и дальше буду пробираться в Казань. Она просила увезти письма сыну Рафаилу и Николаю. Разговаривать больше не пришлось. Служащие стали собираться. Рассказала весь разговор с Малковой Кирста. Он ничего не сказал на это. Иду вечером в установленный час к Малковым, чтобы ехать в новую деревню познакомиться с Матросом. Прихожу, Малкова очень сердито встретила и говорит что был у них в 2 часа обыск, нашли одну салфетку и больше ничего. Я прошу поехать туда. Она говорит нет и больше ничего не скажет. У ней явилось подозрение. Пошла к Кирста, не застала его, а вечером узнаю, что он уехал в Омск. Когда вернулась, я написала ему, что он провалил все дело. Больше с ним не виделась и работать не стала. Никифоров перешел в штаб Пепеляева и Кирста тоже. Заменял Петелин, а я ему не доверяла и не работала. Дня за четыре перед эвакуацией Перми Кирста приехал ко мне и говорит, что будем работать вместе, я заплачу Вам двадцать тысяч. Я говорю, что уезжают все, и мне тоже надо уехать, а он говорит «Не оставим Вас». Больше его не видела.

Вернусь к Малковой, когда говорили о царской семье, Малкова много раз бывала у них и приносила разные мелкие вещи на память, хотела мне показать после поездки к Матросу, говорила, что Анастасия Николаевна убита за то, что хотела бежать, спросила где похоронена, а где-то около Мотовилихи, а хорошо не знает, слышала от сына Рафаила, он-то хорошо все знает, все был с ними.

Александра Вас. Кривошекова 1920 года, 28 февраля.

Кривошекова добавила, что Никифоров говорил ей, что был там тем вечером, когда уехали Михаила Александровича из Перми / /

Прокурор Казанской судебной палаты Н.Миролюбов.

Коллекция документов Н.Миролюбова из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Подлинник. Датируется по контексту документа.

В документе последние два слова неразборчивы